

ЛУЦЕНКО Н. А.

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В исследованиях по славянской сопоставительной аспектологии бросаются в глаза два взаимообусловленных, пока что медленно преодолеваемых недостатка: 1) отсутствие нетривиальных, теоретически надежных положений, объясняющих не только общие черты видо-временных систем славянских языков, но и их характерные различия; 2) преобладание взгляда, согласно которому в отношении вида на парадигматическом уровне между языками нет или почти нет различий (различия касаются только функционирования, дистрибуции, синтагматики видов), и, далее, заданный этим взглядом чисто описательный, констатирующий, неконцептуальный, подход к рассмотрению фактов различной дистрибуции видов в славянских языках. Тем самым, однако, игнорируются давно замеченные корреляции между парадигматической спецификой языковых элементов и их дистрибуциями, а в более общем плане — диалектическая (обусловленная) связь между синтагматикой и парадигматикой, именно то, что «синтагматика языка есть форма существования и проявления парадигматики языка» [1].

Лингвистам, разумеется трудно было пройти мимо того факта, что видо-временная парадигматика южнославянских языков в достаточной мере специфична, в той или иной степени сохраняет очевидные связи со старославянским языковым состоянием (из чего делались даже определенные типологические выводы), поэтому прежде всего в работах исследователей южнославянских языков можно найти утверждения о том, что в аспектуальном плане между славянскими языковыми группами существуют значительные различия [2, с. 134] и со ссылкой на Св. Иванчева [3]). Такие утверждения, однако, имеют целью подчеркнуть или обосновать, главным образом, своеобразное системное проявление вида именно в южнославянских языках. Что касается, например, аспектуальных различий между восточнославянскими и западнославянскими языками, то обычно они толкуются только как различия функционального объема, не затрагивающие семантико-смысловой (парадигматической) организации категории вида, т. е. относящиеся только к поверхностной структуре этой категории [4; 5].

Задача настоящей статьи — показать, что, несмотря на общность (изоморфизм) принципов, «положенных» в основу категории вида в различных славянских языках, системы отдельных языков могут обладать определенной спецификой в плане организации семантики и формально-структурного проявления вида — причем не только на уровне отдельных явлений, но и на уровне их взаимных, детерминативных, отношений. Различное семантико-функциональное проявление видов в избранных для сопоставительного анализа языках здесь толкуется как отражение различного системного устройства (распределения) категории вида в этих языках. Рассуждения ориентированы прежде всего на выявление структурно-типологических различий (алломорфизма) видо-временных парадигм в рус-

ском (как одном из восточнославянских) и западнославянских языках), хотя, как это будет видно дальше, автор в ходе изложения стремится установить и то, как вообще разнится распределение конкретных видовых признаков от одного славянского языка к другому.

В числе фактов функционального видового различия между русским и западнославянскими языками, которые теоретически важно проанализировать с точки зрения системы, парадигматики, самым интересным, пожалуй, можно считать неодинаковую способность форм совершенного вида выражать значение повторяемости. Примеры, иллюстрирующие такого рода различие, приводились в лингвистической литературе, но или были интерпретированы в духе критикуемых выше воззрений [4, с. 293], или по сути теоретически никак не объяснены [6]. Конкретно изначальное распределение отношения различных форм совершенного вида к выражению признака повторяющегося действия выглядит следующим образом. В системе форм настоящего-будущего может быть констатирована общая способность таких форм сочетаться с показателями кратности и общности действия: *Здесь всегда помогут; Часто скажет что-нибудь сгоряча, а потом жалеет*; чешск. *Někdy se vracíme* 'По временам мы возвращаемся (букв. возвратимся)'; словц. *Niekedy k nam príde* 'Иногда он заходит (букв. зайдет) к нам' и т. п. Различия касаются частных специфических условий такой сочетаемости и действительно могут быть истолкованы как в большей степени функциональные, чем системные различия. В системе форм прошедшего времени, наоборот, должно быть отмечено, с одной стороны, отсутствие у форм восточнославянского совершенного претерита способности сигнализировать повторяемость и общность действия (ср., однако, ниже), с другой стороны, наличие подобной способности у тех же форм в чешском, словацком и польском языках¹, выражающейся в возможности этих форм иметь при себе распространители (детерминанты) кратности или общности действия [4, с. 294; 6, с. 106; 7]. Это различие в свою очередь должно быть расценено прежде всего как системное и отнесено к дифференцирующим указанные две группы славянских языков. Речь идет о сочетаемости типа польск. *Czasem spotkał go na ulicy* 'Временами встречал (букв. встретил) его на улице, словц. *Každé ráno vstal v určitú hodinu* 'Каждое утро вставал (букв. встал) в определенное время', чешск. *Vždy přišel pozdě* 'Всегда приходил (букв. пришел) поздно' и других, в смысловом отношении аналогичных случаях, функционально связанных в русском языке с формами несовершенного претерита, в чешском, словацком и, в меньшей степени, в польском — с формами совершенного претерита. Ср., например, словц. *Vetry od Poľskej cez noc vždy zmrazili všetko, čo slnce zľúbalo dňom* (P. Jilemnický) 'Ветры из Польши всегда на ночь замораживали (букв. заморозили) все, что солнце обласкало днем'; чешск. *Bylo тихо, jen občas, když se zvedl vítr, zašramotilo listí* (M. Stoniš) 'Было тихо, только иногда, когда поднимался ветер, начинали шуршать (букв. зашуршали) листья'; польск. *Brzęk go czasem obudził z zamyślenia, w które znówu wpadał, mrużąc oczy i jakdy do snu się zabierając* (J. I. Kraszewski) 'Иногда звон выводил (букв. пробудил) его из состояния задумчивости, в которое снова погружался, смежая веки и как бы собираясь вздремнуть'.

Следует сказать, что указанное различие в употреблении между восточнославянским и западнославянским претеритом применительно к выражению признака повторяемости может быть рассмотрено в свете славяно-латинских и особенно славяно-греческих параллелей. М. Кравар, исследуя славяно-греческую видовую аналогию на уровне систем, указал, что аспектальная семантика этих систем «в основном тождественна» [8, с. 25]. Проецируя этот вывод в сферу функционирования греческих и славянских видов, автор отметил следующее: «Это делает возможной высокую степень соответствия на функционально-синтаксическом уровне, т. е. в рамках предложения, где видовые структуры двух систем ведут себя явно, хотя и не без остатка, аналогично» [8, с. 25]. В этом плане для нас более

¹ В дальнейшем формы прошедшего времени этих языков условно называются западнославянским претеритом.

всего существенны, конечно, прежде всего особенности сочетаемости греческих (и латинских) видовых форм с детерминантами повторяемости. Наблюдения показывают, что в древнегреческом из двух аспектуально соотносительных форм, аориста и перфекта, πολλὰκις, часто, неоднократно, предпочитает сочетаться с аористом, избегая сочетаемости с имперфектом; в латыни же saepe, часто, почти всегда употребляется в сочетании с перфектом, который по значимости соотносят с греческим аористом. Ср. греч. Πολλὰκις ἐθαύμασα (Xen.) 'Я часто удивлялся (аорист)'; лат. Testamentum saepe fecit (Cic.) 'Часто делал (перфект) завещание'. Параллелизм распространяется также на употребление форм при отрицании, где в греческом обычен аорист и очень редок перфект: Οὐδεὶς ἐτι οὐδ' αὐτοῦ ἐφθέρχετο (Xen.) 'И нигде никто больше не издавал (аорист) звука'; ср. чешск. Od toho večera jsem tam už přese nezašel (M. Stoniř) 'С того вечера я туда уже, конечно, не заходил (букв. не зашел)'. При всем том, что, как отметил тот же М. Кравар, славянская и греческая видовая системы «совпадают в отношении основного семантического содержания видовой корреляции» [8, с. 19], в данном случае следует, конечно, говорить об аналогичности только главных функциональных особенностей употребления различных глагольных форм прошедшего. Однако и при таком, осторожном, подходе очевидно, что подключение указанных параллелей к установлению системных различий между западнославянским и восточнославянским перфективным претеритом дает определенные, достаточно заметные, преимущества. Становится ясно, что по значимости восточнославянский и западнославянский претерит различны: первый «ведет себя» прежде всего как греческий перфект (не употребляется при отрицании, с показателями кратности), второй — как греческий аорист (употребляется при отрицании², с показателями кратности). Отсюда, опираясь на данные о системно-смысловом различии между перфектом и аористом, можно было бы более конкретно истолковывать такие же различия между западным и восточным славянским перфективным претеритом и, далее, сделать выводы о характере специфики видо-временной парадигматики соответствующих языков.

Итак, как взаимно дополняют и объясняют друг другу уже известные, в большинстве изложенные выше следующие факты, в частности, то, что: 1) перфект и аорист в греческом, имея различия в дистрибуции, различаются также семантически — прежде всего тем, что по-разному «реагируют» на признак повторяемости; 2) способность обозначать повторяемость различает формы перфективного презенса и претерита в русском и не различает в западно-славянских языках; 3) в русском языке перфективный презенс выражает повторяемость преимущественно в кратко-цепных конструкциях (*Часто скажет что-нибудь сгоряча, а потом жалеет*), а претерит — суммарно (*Трижды оглянулся*)? Обозревая эти факты, приходим к выводу: все дело в характере видового признака, выражаемого перфектом и аористом в греческом, с одной стороны, перфективным презенсом и перфективным претеритом в русском, с другой стороны, восточнославянским и западнославянским перфективным претеритом, с третьей стороны. Учитывая характер подобных соотношений, считаем, что было бы неверно игнорировать или сводить к нет семантическую неоднородность парадигмы форм совершенного вида в русском языке, как это наблюдается в некоторых исследованиях (ср. [10]).

Теоретически важное с точки зрения потребностей настоящего анализа семантическое различие между аористом и перфектом в греческом, упомянутыми их аналогами в других языках заключено в абсолютности (перфект) и относительности, преходящести (аорист) выражаемого этими формами видового признака законченности. Вопрос решается, таким образом, на основе проникновения в механизм взаимодействия категорий вида и времени, понимания поступательных процессов видоизменения этого взаимодействия, затрагивающих систему определяющих друг друга категориальных смыслов и — в разной степени — их воплощение в поверхностной структуре (системе форм). По наш взгляд, противоположность

² Обстоятельное рассмотрение фактов такого рода дано в [9].

мнений относительно того, как в относительной хронологии распределялись категории времени и вида [11; 12], отражает прежде всего исходное совпадение, изначальный синкретизм в индоевропейской системе глагола этих категорий (ср. несколько специфическое истолкование этого факта Е. Куриловичем [13]). Наличие подобного синкретизма как фактора, регулирующего обусловленные отношения между видом и временем, требовало, чтобы конституирующим признаком вида (время сводилось к виду) была именно преходящая законченность: преходящий характер законченности определял относительный характер временного значения, а относительный характер временного значения требовал возобновляющегося, динамического характера законченности. Вот почему «вид с трудом может быть ограничен от времен, которые традиционная грамматика называет относительными и вторичными» [14]. Ср. также замечания о том, что относительная временная функция глагольных форм исторически обусловлена видовым признаком законченности [15]. Дальнейшее развитие привело к тому, что вид, расходясь со временем, преобразовал преходящую (относительную, динамическую) законченность (=видовой признак аориста; ср. отчетливо динамический характер аориста в сербохорватском [16]) в абсолютную (=видовой признак перфекта), а время — относительно значение (ориентация на другой процесс, поступательность, ряд действий, а не на момент речи), соответственно, преобразовало в абсолютное.

Вследствие этой тенденции в восточной и западной славянских языковых областях система перфекта возобладавала и постепенно вытеснила систему аориста-имперфекта; при этом западнославянский претерит принял на себя и преходящую функцию аориста — выражать признак относительной, преходящей (и потому способной быть повторяющейся; ср. ниже) законченности. Русский перфективный претерит, напротив, не воспринял этой функции, целиком передав ее имперфективному претериту, который по этой причине, как аналог одновременно аориста и имперфекта, получил в системе статус формы, немаркированной по виду (*Я вам писал — В это время он писал письма другу*), а в употреблении дистрибуцию, аналогичную дистрибуции западнославянского перфективного претерита (*По вечерам он писал письма друзьям*). Следовательно, все дело в том, что признак относительной законченности и сменяющий его признак абсолютной законченности в ходе семантико-смысловой эволюции по-разному распределялись в глагольных системах, а в пределах последних — между глагольными формами, обуславливая специфику взаимодействия категорий вида и времени в употреблении членов видо-временных парадигм, отражающуюся в их избирательной дистрибуции.

Как ясно из сказанного, сдвиг типа «относительная → абсолютная законченность» в истории славянских языков отражался прежде всего в тех видоизменениях, которые претерпевала здесь система аориста-имперфекта. Столкнув абсолютное значение основ с относительным значением форм аориста и имперфекта и допустив на первых порах как компромисс прямое и перекрестное сочетание этих значений — образование имперфекта от основ совершенного вида и аориста от основ несовершенного вида, лингвистическая система затем двигалась к семантическому и формальному ограничению и устранению этого компромисса, вследствие чего славянские языки и отражают теперь различные степени снятия данного компромисса, ср. [17; 18]. Условно можно считать, что противоположными точками в этом движении являются русский и болгарский языки с формальной близостью последнего к старославянскому (сохранением паряду с системой перфекта стилистически неотмеченной претеритально-видовой оппозиции аориста-имперфекта), хотя в некоторых отношениях ближе болгарского к исходному состоянию, на наш взгляд, располагаются сербохорватский и словенский (при том, что в словенском и нет теперь системы аориста-имперфекта). По функциональным особенностям словенский язык, однако, близок к западнославянским языкам; такой же западнославянский язык, как серболужицкий, наоборот, ближе стоит к болгарскому и сербохорватскому, чем к чешскому и словацкому. Последние вместе

с польским заметно приближаются к русскому, но отличаются от него распределением видовых значимостей среди форм претерита. Сказанное здесь и выше, таким образом, в главном сводится к тому, что основное аспектуальное типологическое различие между русским и чешским и другими языками их языковых групп проходит через форму перфективного претерита. В русском языке перфективный претерит, реализовав сдвиг от относительной к абсолютной законченности, больше чем где бы то ни было оказался отличным от перфективного презенса, который, пережив подобный сдвиг, хотя и стал носителем значения будущего времени (ср. ниже), тем не менее сохранил способность обозначать преходящую законченность — или как единичный, точечный, момент настоящего (*Не моргнет, не дрогнет*), или как относительный момент ряда действий (*То сядет, то встанет*). Вследствие своей системно-смысловой архаичности точно так же, как, например, аорист в греческом или перфект в латыни, русский перфективный презенс характеризуется гномическим употреблением (*Ворон ворону глаз не выклюет*), и, как и аорист в древнегреческом, сочетаемостью с детерминантами повторяемости действия. Ср.: *Грузин тоже возьмется гуляющими хавроньями, хотя своих за калитку возьмет да и выгонит иногда* (Литературная газета, 1982, 17 II).

По той причине, что в русском языке перфективный презенс — форма, обозначающая прежде всего преходящую законченность действия, повторяемость, выраженная такой формой (*Часто придет, посидит, помолчит и уйдет; То ляжет, то встанет* и т. п.), отличается от суммарной повторяемости претерита (*Трижды оглянулся*) своей незакрытостью, относительностью, динамичностью. В сочетании, например, с частицей *бывало*, так же, как и с наречиями повторяемости *часто, иногда* и под., которые одновременно можно было бы рассматривать как показатели преходящести действия, происходит взаимное согласование значимостей формы и ее окружения. Ср.: *Заседатель земского суда как, бывало, попадет туда на следствие, так месяца два, три и не выедет: все по гостям...* (А. Писемский). Наблюдения над такого рода согласованием, как известно, используются для установления одной или нескольких системных характеристик формы; в данном случае они дают вскрыть ее аспектуальную специфику, состоящую в преходящести сигнализируемого видового признака законченности. Суммарная дистрибуция перфективного претерита в свою очередь — ввиду заключенного в показателях суммарности представления об абсолютности предела повторяемости — обнаруживает иной, абсолютный (перфектный) характер видового значения законченности этой формы. В области способов действия аналогичное различие между двумя типами законченности и, соответственно, повторяемости обнаруживается, например, между прерывисто-смягчительными глаголами, выражающими относительную законченность отдельных действий и потому незакрытую повторяемость (*постукивать, позвякивать, позевывать* и т. п.) и дистрибутивными глаголами, выражающими абсолютную законченность и потому — закрытую повторяемость (*потоптать, повыбрасывать, похватать, переколоть, переловить* и т. д.). Реальность обсуждаемого различия между преходящей и абсолютной законченностью как аспектуальными признаками отображают также оппозиции типа *пришел — приходил, слез — слезил* (на чердак), *слетел — слетал* (в магазин): в первом случае обозначена абсолютная, во втором — преходящая (и потому снятая) законченность.

Преходящая, относительная и абсолютная законченность различаются как законченность деятельности (→ пауза) и законченность бытия (→ старость, гибель, безвозвратная утрата чего-либо). Понятие абсолютной законченности формируется тогда, когда бытие становится содержанием, а деятельность — формой выражения этого содержания. Абсолютность бытия привносит атрибут абсолютности в деятельностные признаки, отображающие членение динамического ряда действий: преходящая законченность становится абсолютной — во времени может воспроизводиться только результат такой законченности (такова природа перфекта), а про-

ходящая незаконченность становится абсолютной незаконченностью — при этом утрачивается целевая направленность действия (ср. абстрактное значение презенса). Следует отметить, что в системе языка сдвиг от преходящей к абсолютной законченности влияет также на представление временного объема действия: в то время как преходящая законченность, будучи динамической, мыслится приуроченной к определенному моменту (He вспомню), абсолютная законченность, будучи статической, понятийно связывается с представлением о периоде действия. Отсюда отмеченная исследователями [19; 20] некорректность фраз типа *Вчера в 17 часов я написал роман*. Объем действия детерминирует объем периода (неделя, месяц, год и т. п.; ср. *Первый свой роман он написал в 1960 году*). Отсюда понятно также, почему вопрос о том, возможно или невозможно настоящее совершенное, решается по-разному: одни, признавая такое настоящее, ориентируются на признак преходящей законченности (см. использование в сербохорватских грамматиках термина *prava sadašnjost* 'истинное настоящее' для характеристики настоящего совершенного вида: *Zašto ne ideš?* 'Почему не войдешь (букв. не войдешь)?' [21]), другие, отрицая настоящее совершенного вида, подсознательно ориентируются на абсолютную законченность, темпоральным соответствием которой может быть только план ненастоящего.

В силу тех же особенностей повторяться может относительная, а не абсолютная законченность. Из вышеизложенного ясно, что западнославянский претерит своей способностью сочетаться с наречиями повторяемости обязан тому, что по своей значимости от представляет собой форму деятельности — обозначает преходящую (динамическую) законченность. Соответственно, итеративные глаголы, значение которых определяется как повторяемость всякий раз оконченного действия [22], мотивируются не абсолютной, а преходящей законченностью. Ввиду упомянутой значимости западнославянского претерита, в чешском и словацком языке (в польском — в меньшей степени) в системе глагола сфера семантико-смысловой мотивации итеративов является более определенной и широкой, чем в русском. Этим можно объяснить практически неограниченную производимость итеративов (фреквентативов), особенно в чешском языке. В русском языке итеративы (*читывать, писать*) мотивируются значимостью не перфективного, а имперфективного претерита, проявляющего безразличие к признаку (преходящей) законченности; следовательно, мотивация в данном случае является не сильной, маловыразительной (ср. количественные различия в составе итеративов в славянских языках). Что касается южнославянских языков, в которых итеративов практически нет, то, как показывают наблюдения над русско-болгарскими и чешско-болгарскими переводами, в болгарском языке их отсутствие регулярно восполняется соответствующим употреблением имперфекта (*делвал — dělaval — правеше; бывал — býval — биваше* и т. п.). Вероятно, было бы ошибкой считать это соответствие случайным; более оправданный путь — подход к нему как к отношению взаимной мотивации функций и назначения упомянутых элементов (итеративов и имперфекта) в системе.

Такого рода соотношения показывают, что, несмотря на различия в поверхностной структуре — расхождения в составе и дистрибуции форм, в глубинной структуре системы славянских языков опираются на одни и те же элементы. По-видимому, стремление рассматривать итеративы как самостоятельный и значимый элемент структуры, в современном языкознании проявившееся особенно в чешском лингвистике, а ранее свойственное отечественной (Павский, Аксаков, Потебня и др.) и вообще европейской лингвистике (Лескин), можно считать оправданным — в той его части, которая позволяет соотносить назначение итеративов в одной системе с функцией имперфекта в сохраняющей его другой системе. Чешский и словацкий, таким образом, «изъяв» оппозицию аорист — имперфект из поверхностной структуры, сохраняют ее в глубинной структуре, специализировав в качестве одного из аналогов имперфекта итеративы, а в качестве аналога аориста, как это ясно из вышеизложенного, перфективный претерит. При этом, судя по тому, какие значения имел в древнечеш-

ском имперфект [23], итеративы — это прежде всего аналог имперфекта совершенных глаголов; еще одним его аналогом, в некоторых славянских языках единственным, выступает имперфективный претерит.

Сдвиг от относительной (аорист) к абсолютной законченности (перфект) обуславливал также семантическое развитие перфективного презенса. Как аналог аориста перфективный презенс в системе исходно равнозначен актуальному или историческому настоящему совершенного вида, отмеченному или неотмеченному признаком соотносительности — указанием на ряд, поступательность или чередуемость действий. Как аналог перфекта перфективный презенс в системе, с одной стороны, б у д у щ е е (различие заключается только в порядке и аспекте распределения признаков действия и недействия — *перфект*: 1) действие (в прошедшем) ← 2) недействие (в настоящем); *перфективный презенс*: 1) недействие (в настоящем) → 2) действие (в будущем)), с другой стороны — абстрактное н а с т о я щ е е. С фактической стороны данное распределение признаков в видо-временных системах славянских языков достаточно полно описано в литературе (ср. [24]), и, как известно, служит одним из критериев их деления на северные и южные. Что касается сути различий в распределении указанных признаков от одного славянского языка к другому, то она, на наш взгляд, заключается в конкретных особенностях сдвига, преобразования одних признаков в другие.

Ясно, что речь должна идти прежде всего о путях преобразования признака преходящей законченности. Этот признак, ввиду его относительности, динамичности, представляет собой синтез законченности и незаконченности (такой синтез отражен, например, в русском *тлнут* — *потянут*); это действие, которое закончено п о к а, но не закончено в о о б щ е, действие, которое еще будет продолжаться — само по себе или другим действием (ср. к этому устанавливаемую на основе переводов видовую двойственность греческого аориста или постулирование в теории его видовой немаркированности [8, с. 20—23; 25]). Таким образом, применительно к перфективному презенсу процесс абсолютизации признака преходящей законченности мог давать и давал, ограничивая их друг относительно друга, две реализации: 1) абсолютную законченность, системное соответствие перфекту и как отражение этого соответствия — значение будущего совершенного (ср. северные славянские языки); 2) абсолютную незаконченность, системным проявлением чего в видо-временной парадигматике выступает значение абстрактного настоящего (ср., главным образом, южные славянские языки). Это значение в качестве внутренней формы, т. е. дополнительного оттенка, в перфективном презенсе нередко отягчается представлением о преходящей законченности. Ср.: *Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные* (Пушкин); чешск. *Na každých sto dětí se narodí jedno se srdeční vadou* 'На каждых сто детей один ребенок рождается (букв. народится) с пороком сердца' и т. п. В свою очередь осмысление чешских форм типа *ponesu*, *rovezu* как форм будущего несовершенного вида отсюда можно связывать с тем, что в сфере абсолютности самым вероятным коррелятом точечного ингрессивного действия является значение длительности (абсолютной неограниченности действия). О последнем можно судить по обратному соответствию «длительность → ингрессивное значение», устанавливаемому, например, при сличении польских текстов и их чешских переводов. Ср. *Czarna żółć mnie zalewa, jak o tym pomyśle, a ręka paskudnie świerzbi, aby się osobiście do tego perwersa zabrać* (H. Sekuła) 'Черная желчь меня заливает, когда об этом подумаю, и руки (букв. рука) предательски чешутся лично добратся до этого ненормального' — чешск. *Jen na to pomyslím, zaplaví mě černá žluč a ruka mě začne zatraceně svrbět* (т. е. зачесется), *abych se osobně do toho teplouše pustil*.

Как следует из сказанного выше, в видо-временной системе русского языка перфективный презенс отличается от перфективного претерита с его «перфектной» видовой семантикой (выражением абсолютной законченности) более архаичным, «аористным», видовым значением — признаком относительной законченности. В ряде случаев, однако, это различие сними

ется, и перфективный претерит как бы уравнивается с перфективным презенсом, выступает в качестве его своеобразного субститута. Тот факт, что подобное употребление свойственно прежде всего языку фольклора (*Наш пострел везде поспел; Кто сознался, то покаялся* и т. д.), можно расценить как свидетельство исходности и архаичности значения переходящей заочченности для перфективного претерита. Отмеченное употребление, однако, до сих пор сохраняется в разговорной речи; соответствуя своей динамичностью потребностям публицистического стиля, оно широко проникает на страницы газетных публикаций. Ср.: *В последнее время мы спорим много, охотно и истоно. О чем? Вот это сформулировать труднее — лишь ударил* (ср. ударит) *гонг, сзывающий спорщиков на ристалище, а они уже рвутся вперед* (Литературная газета, 1982, 17 II); *У завода словно пуги на ногах: то не все продумал* (ср. продумает) *Госплан, то не приняли* (ср. не примут) *наших заказов заводы других отраслей, то поставили* (ср. поставят) *такой технический недоносок, что с ним одна возня, а толку никакого* (Известия, 1985, 17 XII).

В таком употреблении в качестве заместителя обычно (ср. примеры) предполагается форма перфективного презенса, а это значит, что в современной системе с видовой семантикой прежнего аориста перфективный претерит связан не непосредственно, а опосредованно — через временной план перфективного презенса. Поэтому по особенностям дистрибуции он существенно и отличается от западнославянского претерита (см. выше). Отсюда следует, что характер видового признака и конкретная системная значимость видовой формы зависят от ее временного плана в системе или функционирования: в плане прошедшего, как и его греческий аналог — перфект, в русском языке маркирован совершенный вид; наоборот, в чешском языке, как и его греческий аналог — аорист, в плане прошедшего совершенный вид является немаркированным. То, что в настоящем историческом (временной план прошедшего) в чешском и русском виды представлены противоположным образом [4, с. 296], свидетельствует именно об указанном распределении значимостей видовых форм во временном плане прошедшего в этих языках. Ясно, что такие различия могут проявляться в разнообразных вариантах, поэтому в каждом случае вопрос должен решаться конкретно — по отношению к определенному славянскому языку и временному плану³.

Итак, к чему приводит все сказанное выше? Приняв во внимание одно из известных философских положений, согласно которому *логическое* (применительно к объекту и теме данных рассуждений — т и п о л о г и ч е с к о е) — это «выражение развитой структуры объекта», очищенное от непоследовательностей и противоречий *историческое* (см. [26]), изложение можно заключить следующим общим выводом: ориентиром развития видо-временных систем славянских языков был не только аорист (так считал, например, Т. Милевский [27], и это отражено, как мы видели, в значимости западнославянского перфективного претерита), но и перфект (что отражено, как мы видели, прежде всего в значимости восточнославянского перфективного претерита). Наличие двух ориентиров и, следовательно, возможности различных путей движения, обусловило те типологические (в узком смысле) различия видо-временных систем, часть из которых была обсуждена выше. В главном они сводятся к тому, что в южнославянском (в частности, в болгарском) отражено равновесие систем перфекта и аориста, в видо-временной системе западнославянского (в частности, в чешском и словацком) преобладают свойства аориста, в восточнославянской (русский язык) видо-временной системе — свойства перфекта.

³ Здесь мы не ставим перед собой такой задачи. В связи с изложенным отметим только, что в последнее время колебания относительно того, какой считать видовую оппозицию — привативной (с маркированным совершенным видом) или экзиполентной, например, у исследователей чешского языкового материала особенно значительны. Научные поиски, на наш взгляд, в конце концов должны завершиться признанием того, что в чешском языке маркированным является несовершенный вид (т. е. вообще признанием того, что в разных славянских языках виды маркированы по-разному).

1. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977, с. 94.
2. Иванчев Св. Морфо-семантико-функционалната теория на глаголният вид в славянските езици и спецификата на българския език. — В кн.: Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976, с. 134 и сл.
3. Смирнов Л. Н. Проблемы и задачи сопоставительной славянской аспектологии. — В кн.: IX Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 186.
4. Широкова А. Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
5. Петрухина Е. В. Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским. — В кн.: Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983, с. 152 и сл.
6. Масленникова Л. И. Заметки о лексико-синтаксическом способе выражения повторяемости в польском языке. — В кн.: Исследования по польскому языку. М., 1969, с. 104 и сл.
7. Смирнов Л. Н. Употребление форм прошедшего времени совершенного вида с значением повторяемости в словацком литературном языке. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. 35, 1962, с. 31.
8. Кравар М. О сущности греческо-славянской видовой аналогии. — *Ziva antika*, 1982, god. 32, sv. 1.
9. Смирнов Л. Н. Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке (сравнительно с русским). — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 236—241.
10. Панова Г. И. К вопросу о повторяемости действия и глагольном виде в русском языке. — Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 439, 1978, с. 111—117.
11. Perbig G. Aktionsart und Zeitstufe. — *Indogermanische Forschungen*, 1896, Bd. VI, S. 157 ff.
12. Černý J. O vzniku a vývoji gramatických kategorií. — *Slovo a slovesnost*, 1970. XXXI, № 3, s. 214, 216.
13. Kuryłowicz J. Problèmes de linguistique indo-européenne. Wrocław etc., 1977, p. 56.
14. Бояджиев Б. А. Аспектуални различия в някои съвременни езици. — Трудове на висшия икономически институт «Карл Маркс», кн. V. София, 1982, с. 40.
15. Рябова Г. М. Соотношение категорий вида и времени в процессе их развития в немецком языке (на материале прошедших времен глагола). — Уч. зап. 1-го ЛГПИИЯ, новая серия, вып. II, 1955, с. 69.
16. Vuković J. Govorni kontakti i izražajni postupci markirani upotrebom srpskohrvatskih vremenskih glagolskih oblika. — *Studia z filologii polskiej i słowianskiej*, 7. Warszawa, 1967, s. 258.
17. Dostal A. Aorist a imperfektum v lužické srbštině z hlediska slovesného vidu. — *Slavica Pragensia*, I, 1959, s. 113—121.
18. Michalk Fr. Der Verlust der synthetischen Vergangenheitsformen im Norden des ober-sorbischen Sprachgebiets. — *Slavica Pragensia*, I, 1959, S. 103—112.
19. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975, с. 18.
20. Kučera H. A Semantic Model of Verbal Aspect. — In: *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*, v. I. Linguistics. Columbus, Ohio, 1983, p. 179.
21. Brabec I., Hraste M., Živković S. Gramatika hrvatskosrpsoga jezika. Zagreb, 1965, s. 242.
22. Иванчикова Е. А. Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX века. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. IV. М., 1957, с. 255.
23. Gebauer J. Bedeutung des altböhmisches Imperfects. — *Archiv für slavische Philologie*, 1903, Bd. XXV, S. 341 ff.
24. Кржижкова Е. Глагольный вид в ОЛА. — В кн.: Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.
25. Ruipérez M. S. Estructura del sistema de aspectos y tiempos del verbo griego antiguo. Salamanca, 1954, p. 164.
26. Философский словарь. М., 1963, с. 179.
27. Milewski T. O genezie aspektów słowiańskich. — *Rocznik slawistyczny*, 1939, t. XV, s. 7.